

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.41.40>**РЕТИВЫЙ, РЕТИВО: СПЕЦИФИКА СЕМАНТИКИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ СМИ (ПО
ДАНЫМ НКРЯ)**

Научная статья

Федосеев А.А.^{1,*}, Лидина И.Ю.²¹ ORCID : 0000-0002-6102-1337;² ORCID : 0000-0001-8800-6279;^{1,2} Байкальский государственный университет, Иркутск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (frey-2008[at]yandex.ru)

Аннотация

Статья посвящена исследованию значения лексем «ретивый», «ретиво», формируемом в узусе, в массовом и регулярном их воспроизведении в современной речи. Как показал опрос студентов, проведенный в рамках исследования, прилагательное «ретивый», во-первых, практически незнакомо половине опрошенных, во-вторых, те студенты, которые знакомы с этим словом, в подавляющем большинстве указали его значение, соответствующее кодифицированному, то есть указанному в толковых словарях, в-третьих, указали на его позитивную коннотацию. Однако анализ конкорданса леммы «ретивый» Газетного корпуса в Национальном корпусе русского языка показал, что из 575 примеров употребления слов «ретивый», «ретиво» только 52 употребления соответствуют языковой норме. Остальные более девяноста процентов употреблений этих слов, представленных в текстах НКРЯ, описывают ситуацию негативно или крайне негативно с правовой, этической, моральной точек зрения. В ходе исследования выявлено, что в результате узусального семантического сдвига у прилагательного «ретивый» и наречия «ретиво» в современном русском языке устойчиво развивается новое значение, не совпадающее с кодифицированным значением и в определенном смысле ему противопоставленное.

Ключевые слова: национальный корпус русского языка, конкорданс, узус, лексическое значение, коннотация.

**RETIVY, RETIVO: SPECIFICITY OF SEMANTICS AND FUNCTIONING IN MODERN MEDIA (ACCORDING TO
THE RNC)**

Research article

Fedoseev A.A.^{1,*}, Lidina I.Y.²¹ ORCID : 0000-0002-6102-1337;² ORCID : 0000-0001-8800-6279;^{1,2} Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation

* Corresponding author (frey-2008[at]yandex.ru)

Abstract

The article is dedicated to the study of the meaning of the lexemes "retivy" [zealous], "retivo" [zealously], formed in usage, in their mass and regular reproduction in modern speech. A survey of students conducted as part of the research showed that, firstly, the adjective "retivy" is almost unfamiliar to half of the respondents, secondly, those students who are familiar with this word, in the vast majority pointed out its meaning, corresponding to the codified, that is, specified in explanatory dictionaries, thirdly, indicated its positive connotation. However, the analysis of the concordance of the lemma "retivy" in the National Corpus of the Russian language showed that only 52 of 575 examples of the use of the words "retivy" and "retivo" correspond to the linguistic norm. The remaining ninety per cent of the usages of these words, presented in the texts of the National Corpus of the Russian language, describe the situation negatively or extremely negatively from legal, ethical and moral points of view. The study revealed that as a result of the usage semantic shift the adjective "retivy" and the adverb "retivo" in the contemporary Russian language steadily develop a new meaning, which does not coincide with the codified meaning and in a certain sense is opposed to it.

Keywords: Russian national corpus, concordance, usage, lexical meaning, connotation.

Введение

Встреченная однажды автором в одной из газет фраза «Мы с вами до суда не встречались, – продолжала ретивая адвокатша разговор с потерпевшим, – нужно обсудить кое-какие детали» обратила на себя внимание довольно нетрадиционным словосочетанием «ретивая адвокатша» и тем в целом негативным контекстом, в котором данная фраза была употреблена. Фраза резала слух из-за сочетания слов, относящихся к разным стилям русского литературного языка, из-за, казалось бы, разных, не пересекающихся между собой планов содержания, образующих словосочетание языковых единиц. Ощущение семантического диссонанса вызвало явное противоречие между кодифицированным значением прилагательного «ретивый», соответствующим языковой системе (норме), и тем, что читалось в контексте высказывания. Вспомнилась работа О. А. Лаптевой, в которой автор, рассуждая о соотношении нормы и узуса, пишет, что «кодифицированная норма всегда консервативна, узус – изменчив и способен воздействовать на норму и изменять ее» и, подводя итог, задает вопрос о том, где находится «та тонкая грань, за

которой оттенок употребления становится оттенком значения» [3, С. 64-65]. Возникло желание попытаться найти ответ на этот непростой вопрос.

Основная часть

Значение прилагательного «ретивый» в толковых словарях русского языка уже более века трактуется вполне однозначно и непротиворечиво, а именно: «усердный, горячий, пылкий на дело, старательный, ревностный, ражий духом» [9, С. 1680]; «усердный, старательный, действующий с рвением» [7, С. 710]; «о человеке: энергичный, усердный» [11, С. 761]. В словаре синонимов прилагательное «ретивый» приводится в одном ряду со словами «старательный, прилежный, усердный, исправный, исполнительный, рьяный, злой (до чего), лютый (до чего) (прост.); ревностный (книжн.); истовый (уст.)» [1, С. 519]. Этому значению соответствует и значение наречие «ретиво», образованного от прилагательного «ретивый». Очевидно, что кодифицированное коннотативное значение этого слова в стилистическом отношении исключительно позитивное. Но в сочетании со словом «адвокатша» традиционно возвышенная коннотация слова «ретивый» входит в диссонанс с коннотативным, эмоционально-экспрессивным значением первого, которое является стилистически сниженным [10, С. 38] и стоит в одном ряду с такими стилистически сниженными словами как «докторша», «директорша», «профессорша», «инженерша», употребляемыми «обычно с неодобрительной или ироничной экспрессией» [6, С. 202].

В то же время словосочетание «ретивая адвокатша», несмотря на очевидную экспрессивно-стилистическую противоречивость составляющих его компонентов, вполне естественным образом вписывалось в контекст статьи, выступая, по замечанию В. А. Плуныяна, в качестве элемента отказа от претензий на общественную значимость, отказа от языковой нормативности, апеллирующей к повседневной языковой практике «среднего образованного человека» [5, С. 13].

Отказ от языковой нормативности в современных российских СМИ, как печатных, так и электронных, явление весьма распространенное и, будучи, очевидно, веянием времени, не вызывает у «среднего образованного человека» особого возражения. Связано это, вероятно, с тем, что современные СМИ оперируют «множеством “вторичных” текстов, изначально принадлежавших другим функциональным сферам: это, например, официально-деловая речь, речевой обиход представителей различных социальных групп» [8, С. 241]. В этом смешении стилей и текстов, как в плавильном котле, возникают новые смыслы слов и исчезают старые. Данная тенденция оказывает значительное влияние на современное состояние русского литературного языка и, следовательно, требует серьезного осмысления этого явления специалистами. Неоценимую помощь лингвисту в работе со словом и текстом последние без малого два десятилетия, вне всякого сомнения, оказывает Национальный корпус русского языка (далее НКРЯ), появление которого в 2004 году «не просто дало в распоряжение лингвистов новый мощный инструмент анализа фактов языка — оно в определенной степени изменило теоретические приоритеты и отчасти даже взгляды на то, чем является язык и какие задачи изучения языка являются наиболее важными» [5, С. 7]. В связи с этим утверждение о том, что «в известной дихотомии системы и узуса корпус ориентирует лингвистов на узус — хотя бы по той простой причине, что никогда раньше узус не был так хорошо доступен для исследований» [5, С. 16], не вызывает сомнений. Однако, используя материалы НКРЯ для выявления новых смыслов, необходимо отчетливо понимать, что в узусе формируются и вступают в различные взаимоотношения варианты речевого употребления, выбор и социальный статус которых с одной стороны регулируется на основе понятия нормы, с другой же стороны узус как естественно-речевое образование норме противостоит [4, С. 370]. При этом, будучи противопоставленным норме, «именно узус — т. е. тексты — и является единственной подлинной реальностью науки о языке, т. е. объектом, доступным непосредственному наблюдению» [5, С. 16].

В. А. Плуныян, анализируя НКРЯ как инструмент и как новую идеологию лингвистического исследования, обозначил список «идеологических предпочтений», характерных для нового взгляда на задачи теоретической лингвистики, а именно:

- 1) внимание не к слову или к предложению, а к дискурсу — то есть к реальному инструменту коммуникации в целом, а не к его отдельным фрагментам;
- 2) внимание к квантитативному компоненту языка, т. е. учет в первую очередь более частотных (в дискурсе!) элементов по сравнению с менее частотными, и признание квантитативных отношений существенным фактором в языковой эволюции и структуре языковых правил;
- 3) внимание к синхронной вариативности языка, т. е. признание того факта, что в рамках данной языковой общности не существует единой жесткой системы средств выражения смысла, а существуют различные стратегии реализации этой задачи;
- 4) внимание к диахронической вариативности языка, т. е. признание того факта, что язык постоянно изменяется во времени и полностью отвлечься от этой нестабильности невозможно [5, С. 9-10]. Ориентация на обозначенные «идеологические предпочтения» позволила выявить ряд интересных закономерностей употребления слов «ретивый», «ретиво» в современных СМИ.

НКРЯ предоставляет исследователю возможность изучать функционирование единиц языка в разворачивающемся во времени и пространстве дискурсе «здесь и сейчас», сопоставлять и оценивать факты языка в их живом непосредственном взаимодействии с «живой» реальностью.

Применительно к предмету исследования материалы корпуса позволили сделать ряд интересных выводов. Казалось бы, слово не входит в активный словарный запас современных носителей русского языка, что подтвердил проведенный нами опрос студентов первого курса Байкальского государственного университета. Из 103 опрошенных 48 человек указали, что не знают значения слова «ретивый» и никогда его не встречали. Остальные 55 человек, указавшие значение этого слова, отметили, что встречают в речи это слово редко. Однако материалы НКРЯ свидетельствуют о том, что это слово в современном печатном медийном дискурсе отнюдь не предано забвению. Конкорданс леммы «ретивый» в подкорпусе «Центральные СМИ» представлен 646 газетными текстами и 690

примерами в интервале с 1985 по 2021 год. В них прилагательное «ретивый» и наречие «ретиво» в их прямых значениях встречается 575 раз, 86 раз встречается фамилия Ретевых, в 11 примерах эта лемма встречается в идиоме «взыграет/взбрыкнет ретиво», в 18 примерах данное слово употребляется как имя собственное (название корабля).

Интересным оказалось исследование коннотации слова. Опрос студентов показал, что эмоционально-экспрессивная окраска слова оценивается ими неоднозначно. 37% опрошенных назвали коннотацию данного слова положительной, что не противоречит ее словарному значению, 10% опрошенных указали коннотацию как негативную. И лишь 6% определили слово как нейтральное. Однако исследование текстов с прилагательным «ретивый» и наречием «ретиво» в их прямых значениях, представленных в НКРЯ, показало, что лишь около 10% из них описывают ситуацию в позитивном ключе, то есть в целом соответствуют однозначно толкуемому кодифицированному значению слова «ретивый». Остальные 90% употреблений данного слова, представленного в текстах НКРЯ, приходится на контекст, описывающий ситуацию негативно или крайне негативно с правовой, этической, моральной точек зрения. На это указывает лексическое окружение прилагательного «ретивый» и наречия «ретиво». Такие часто встречающиеся в условиях негативного контекста словосочетания, как *особо ретивые, излишне ретивые, слишком ретивые, чересчур ретивые, чрезмерно ретивые, ретив не в меру, столь ретивые, самые ретивые, не в меру ретивые* (здесь и далее примеры взяты из Национального корпуса русского языка [12]), с очевидностью, указывают на чрезмерно высокую, нежелательную, превышающую необходимость и, следовательно, негативно оцениваемую в описываемой ситуации, степень признака. Глагольные словосочетания с наречием «ретиво», такие как *ретиво «накидать» бюллетени, чересчур ретиво и крайне небрежно выполнившие требование, излишне ретиво претендовал на единоличное лидерство, ретиво скомпоновав стенограммы, ретиво освещать в СМИ, ретиво выступает в роли адвоката этих нелюдей; ретиво вяжутся в аппаратные войны; ретиво защищать интересы иностранного дельца; ретиво наказывали; ретиво «исправляться», чтобы, не дай бог, не прогневить высокого гостя; слишком ретиво скупать доллары; ретиво жали депутатам руки и обещали «отблагодарить от всей души»; ретиво приседать и «выбрасывать» ноги вперед* также ясно указывают на крайне негативную оценку описываемой ситуации. Однако сами по себе словосочетания и даже их высокая частотность не дают полной картины вкладываемого в прилагательное «ретивый» и наречие «ретиво» значений. Для их понимания необходим речевой ситуативный контекст. Приведем лишь несколько примеров из НКРЯ: «Ему всячески мешали заниматься наукой, не разрешали участвовать в работе съездов офтальмологов, **ретивые** партийные активисты обвиняли его в нелепых, абсурдных идеологических прегрешениях. (Мехман Гафарлы. Два призвания профессора Мусаева // Независимая газета, 1997.01)»; «И еще того, как грамотный солдат может подвести под монастырь своего **ретивого** идиота-командира. (МОЯ ТВОЯ НЕ ЗНАЙ! // Аргументы и факты, 2000.08)»; «А **ретивые** чинуши на местах еще и грозят им судом, судебными приставами и выселением. (Виктор БАРАНЕЦ. Бездомные новоселы // Комсомольская правда, 2013.06)»; «Немецкие ученые склонялись к тому, что путаницу внесли их коллеги в 1935 году, чересчур **ретиво** и крайне небрежно выполнившие требование Кембриджского конгресса ботаников об обязательном наличии типового экземпляра каждого описанного вида растений. (Ася Петухова. Наука об арбузе // Коммерсант, 2020.08)»; «власть как раз и посылает сигналы региональным элитам, которые могут **ретиво** «накидать» бюллетени в борьбе за электоральные рекорды. (Кремль пытается подавить политизацию общества // Ведомости, 2021.04)». Как видим, более широкий контекст не оставляет сомнений, в каком значении употребляются интересующие нас слова. Как отмечалось выше, в данном значении лексемы «ретивый», «ретиво» в современных СМИ используются примерно в 10 раз чаще, чем в значении, указанном в словарях.

Выявление этого нового значения показывает, что «из соотношения схема-узус следует..., что конкретный анализ способен обнаружить правильное как объективное явление, которое коренится в самой системе языка и которое может быть использовано по воле людей для эффективного общения» [2, С. 14].

Заключение

В свете проведенного исследования невозможно не согласиться с мнением В. А. Плунгяна [5, С. 14] о том, что материалы НКРЯ позволяют регистрировать появление или угасание отдельных явлений языка, исследовать и фиксировать «малозаметные изменения сочетаемости и значений слов, изменения частотности различных конструкций или частотности употребления лексических и грамматических вариантов».

Таким образом, в результате узуального семантического сдвига у прилагательного «ретивый» и наречия «ретиво» в современном русском языке устойчиво развивается второе значение, отнюдь не совпадающее с кодифицированным и в определенном смысле ему противопоставленное. Очевидно, что это противопоставление не случайно, что оно позволяет по-новому, более ярко, более точно реализовать коммуникативное намерение автора.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

Список литературы / References

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. Около 9000 синонимических рядов / З. Е. Александрова; под ред. Л. А. Чешко. — Изд. 2-е. — Москва: Сов. энциклопедия, 1969. — 600 с.

2. Костомаров В. Г. Язык текущего момента: понятие правильности / В.Г. Костомаров — Санкт-Петербург: Златоуст, 2014 — 220 с.
3. Лаптева О. А. Теория современного русского литературного языка: учебник / О. А. Лаптева. — Москва: Высш. шк., 2003. — 351 с.
4. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. — Москва: Флинта: Наука, 2003. — 432 с.
5. Плунгян В. А. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики / В. А. Плунгян // Русский язык в научном освещении. — 2008. — № 16 (2). — С. 7-20.
6. Русская грамматика. Том I. Фонетика, фонология, ударение, интонация, словообразование, морфология. — Москва: Изд-во «Наука», 1980. — 785 с.
7. Словарь русского языка: В 4-х т.: Т. 3. / АН СССР. Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, 1983. — 752 с.
8. Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Рос. академия наук. Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. — Москва : Языки славянской культуры, 2003. — 568 с.
9. Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля в 4-х т.: Т. 3. / Четвертое исправленное и значительно дополненное издание под редакцией проф. И. А. Бодуэна-де-Куртене. — Санкт-Петербург-Москва: Издание т-ва М. О. Вольф, 1914. — 1782 с.
10. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 1: А - И / авторы-составители: М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова, О. П. Ермаков и др.; отв. ред. Л. П. Крысин. — 2-е изд. — Москва: Языки славянской культуры, 2014. — 776 с.
11. Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 3: П - Р / авторы-составители: М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова, О. П. Ермаков и др.; отв. ред. Л. П. Крысин. — 2-е изд. — Москва: Издательский Дом ЯСК, 2020. — 824 с.
12. Национальный корпус русского языка. — URL: ruscorpora.ru (дата обращения: 10.04.2023)

Список литературы на английском языке / References in English

1. Aleksandrova Z. Ye. Slovar' sinonimov russkogo yazyka [A Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. About 9000 synonymic rows. / Z. Ye. Aleksandrova; edited by L. A. Cheschko. 2nd edition. — Moscow: The Soviet Encyclopedia, 1969. — 600 p. [in Russian]
2. Kostomarov V. G. Yazyk tekushchego momenta: ponyatiye pravil'nosti [Language of the Moment: the Notion of Correctness] / V.G. Kostomarov — Saint Petersburg: Zlatoust, 2014 — 220 p. [in Russian]
3. Lapteva O. A. Teorija sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka [The Theory of Modern Russian Language]: Manual / O. A. Lapteva. — Moscow: High School, 2003. — 351 p. [in Russian]
4. Matveeva T. V. Uchebnyj slovar': russkij yazyk, kul'tura rechi, stilistika, ritorika [A Learner's Dictionary: the Russian Language, Speech Culture, Stylistics, Rhetoric] / T. V. Matveeva. — Moscow: Flinta: Nauka, 2003. — 432 p. [in Russian]
5. Plungyan V. A. Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotoryh urokah sovremennoj korpusnoj lingvistiki [Corpus as an Instrument and an Ideology: Lessons of Modern Corpus Linguistics] / V. A. Plungyan // Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii [The Russian Language in the Light of Science]. — 2008. — No. 16 (2). — P. 7-20. [in Russian]
6. Russkaya grammatika [Russian Grammar]. Vol. I. Fonetika, fonologiya, udareniye, intonatsiya, sloovrazovaniye, morfologiya [Phonetics, Phonology, Accentology, Intonation, Word Formation, Morphology]. — Moscow: Publishing house "Nauka", 1980. — 785 p. [in Russian]
7. Slovar' russkogo yazyka [A Dictionary of the Russian Language]: 4 volumes, Vol. 3. / The Academy of Sciences of the USSR, The Institute of the Russian Language; edited by A. P. Yevgen'yeva. — Russian language, 1983. — 752 p. [in Russian]
8. Sovremennyy russkij yazyk: Sotsial'naya i kul'turnaya differentsiatsiya [The Modern Russian Language: Social and Cultural Differentiation] / The Russian Academy of Sciences, the Institute of the Russian Language named after V. V. Vinogradov. — Moscow: Languages of Slavic culture, 2003. — 568 p. [in Russian]
9. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka Vladimira Dalya [The Explanatory Dictionary of the Living Language of the Great Russia by Vladimir Dal'] in 4 volumes, Vol. 3 / fourth edition, corrected and significantly amplified, edited by Prof. I. A. Baudouin de Courtenay. — Saint Petersburg-Moscow: Publishing house of M. O. Volf's society, 1914 — 1782 p. [in Russian]
10. Tolkovyj slovar' russkoj razgovornoj rechi [An Explanatory Dictionary of Russian Spoken Speech]. Vol. 1: А - И [A-I] / compiled by M. Ya. Glovinskaya, E. I. Golanova, O. P. Yermakov [et al.]; executive editor L. P. Krysin. — 2nd edition. — Moscow: Languages of Slavic culture, 2014. — 776 p. [in Russian]
11. Tolkovyj slovar' russkoj razgovornoj rechi [An Explanatory Dictionary of Russian Spoken Speech]. Vol. 3: П - Р [P-R] / Compiled by M. Ya. Glovinskaya, E. I. Golanova, O. P. Yermakov [et al.]; executive editor. L.P. Krysin. — 2nd edition. — Moscow: Publishing house "YaEsKa", 2020. — 824 p. [in Russian].
12. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka [National Corpus of the Russian language]. — URL: ruscorpora.ru (accessed: 10.04.2023) [in Russian]